



СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ И ВЛАСТЬ НАД НАСЕЛЕНИЕМ
(К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА)

© 2018

А. Б. Алаев*

Принято считать, что основным отличием общественного строя средневековой Западной Европы от традиционных обществ Востока служило преобладание разных форм собственности на землю: частной в Европе и государственной в империях Азии. Автор доказывает, что, если частная собственность на землю созрела в Европе постепенно, к концу Средних веков, то на Востоке преобладала *власть-собственность*, и частная собственность не развивалась. Причиной этого различия, которое привело к разнице в судьбах континента, послужило разное отношение к *праву*: права на землю на Востоке не закреплялись законодательно.

Ключевые слова: государственная собственность, частная собственность, собственность на землю, Восток и Запад, Древняя Греция, Китай, Индия, средневековая Европа, власть.

PROPERTY IN LAND AND POWER OVER POPULATION
(TO THE QUESTION OF DIFFERENCES BETWEEN EAST AND WEST)

Leonid B. Alayev

It is commonly assumed that the social structure of Medieval Western Europe differed from conditions in the traditional countries of the East because different forms of landed property dominated: in Europe, private ownership; in Asian empires, state property. The author argues that private property in Europe ripened gradually only towards the end of Middle Ages. In the East *power-ownership* prevailed, hindering the development of private property due to a different regard to law; here, neither private nor state land rights were enshrined in legislation.

Keywords: state property, private property, land property, East and West, Occident and Orient, Ancient Greece, China, India, medieval Europe, authority.

Одна из трудностей, с которой сталкиваются историософы, пытаясь решить вопрос о том, чем и почему отличаются Восток и Запад, состоит в том, что к Востоку применяется понятийный аппарат, выработанный в ходе изучения западных обществ, т.е. этот аппарат принимается как универсальный. Это вполне объяснимо и закономерно, поскольку именно по этому маршруту развивалась вся гуманитарная наука Европы, а за ней – также и гуманитарная наука незападных стран (в той мере, в какой она вообще возникла и получила самостоятельное бытие). Это одно из проявлений *ориентализма*, как его понимал Э. Саид [Саид, 2006].

Надо осознать этот **недостаток** европейского обществоведения, который следовало бы по возможности изживать. Наше мышление забито стереотипами и терминами, лишь по видимости несущими однозначное понимание. К ним относятся такие понятия, как *государство*, *собственность*, *рента-налог*, *знать*, *духовенство*, *крестьянство* и многие другие. Эти термины применяются к явлениям, которые не идентичны европейским реалиям, обозначаемым теми же словами.

В нашем постсоветском обиходе эта черта европейской науки особенно выпукла, поскольку мы пропитаны марксизмом, который являлся и является наиболее ярким

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alayev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alayev_leonid@mail.ru

проявлением европоцентризма, или ориентализма. Достаточно сказать, что понятие «азиатского способа производства» было введено К. Марксом не для того, чтобы подчеркнуть особенность азиатских обществ, а, напротив, чтобы вставить Восток в единую схему смены формаций в качестве ее первого этапа, предшествовавшего античности (рабовладению).

Здесь мы коснемся только одного аспекта вестернизации понятийного аппарата, применяемого к Востоку, а именно употребления понятия **собственность**, в том числе **государственная собственность**, применительно прежде всего к земле. Избыточное внимание к категории *собственность* в отечественной науке обусловлено теми же остатками марксизма, о которых говорилось выше. Мы привыкли считать, что **тип собственности** (общинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная, общенародная) определяет весь строй общества (правда, никто не формулировал, что такое *тип собственности*). Точно так же для нас была крайне важна **форма** собственности (частная, кооперативная, государственная). Необходимо было знать, в чьей *собственности* находились «орудия и средства производства», а кто был лишен этих самых средств. Историки исходили из того, что чья-либо *собственность* непременно существует, надо только ее обнаружить. Сами того не осознавая, они находились на уровне средневекового (феодального) юриста, который когда-то изрек: «Нет земли без хозяина!»

Тезис, что Запад и Восток отличаются прежде всего господствующей формой собственности на землю, – частной на Западе и государственной на Востоке, прочно утвердился в отечественной науке и, казалось бы, сомнению не подлежит. Однако несомненно и то, что отчуждение и перераспределение материальных ценностей может происходить (и на протяжении истории большей частью происходило) не на основе **права** собственности, а на основе прямого принуждения (с применением силы и/или идеологического угнетения). На Востоке, как правило, нет **права** собственности ни у государя, ни у подданного. «Государственная собственность» в наших сочинениях о традиционных обществах – это попытка определить некую реальность через другую реальность, чуждую этому обществу. Это европоцентризм.

Не стоит преувеличивать роль частной собственности и на Западе (в античности и раннем средневековье). Расхожее мнение, что европейская экономика, начиная с периода Античности, базировалась на частной собственности на землю, просто неверно. Подобные утверждения, например, высказывались Л. С. Васильевым, который считал, что «антично-буржуазный строй» просуществовал в Западной Европе начиная с древности до современности. Он настойчиво убеждал читателя, что для античного общества была характерна полная неограниченная частная собственность [Васильев, 2007, с. 16, 422, 429, 436, 440]. Непонятно, как можно было утверждать подобное, зная, что земля считалась собственностью города (*полиса*, общины). И в Греции, и особенно в Риме значительная часть земли оставалась в общей собственности города (*ager publicus*). Как можно говорить о свободной частной собственности, если в Афинах был «установлен земельный максимум» [Васильев, 2007, с. 360, 378], а до Солона имущество умершего становилось собственностью фило [Васильев, 2007, с. 307]? Спартиаты вообще отрицали свою частную собственность [Васильев, 2007, с. 305]. Автор сообщает, что тираны Кимпсел и Периандр изгнали из Коринфа «всех аристократов, конфисковав их земли и раздав их неимущим» [Васильев, 2007, с. 300]. Земли отбирались и позже [Васильев, 2007, с. 308]. Как в данных случаях обстояло дело с уважением к правам частной собственности?

Представление о европейском средневековье сложилось в период, который мы сейчас называем Ранним Новым временем. Оно отражает не столько средневековую реальность, сколько представление об этой реальности мыслителей Возрождения [Одиссей, 2006; Феодализм, 2008]. Специалисты **перестали находить феодализм** в изучаемых ими странах [Reynolds, 1994]. Требуют пересмотра как раз представления о частной собственности. И. В. Дубровский присоединяется к выводам С. Рейнольдс: «Представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда отрицали существование в Средние века

политической власти и всякого понятия о публичном». «Понятием вассалитета нередко стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными», патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом [Дубровский, 2006, с. 53].

Само слово *феод*, на которое часто ссылаются как на признак существования феодальных отношений (и на отсутствие соответствующего слова в других языках как на свидетельство отсутствия феодализма) в германских языках означало «богатство, деньги, скот». Где-то в районе 1000 г. это слово приобрело значение «дарение, вознаграждение, плата». «В качестве земельного пожалования феодал нередко подразумевает собой в это время (около 1000 г. – Л. А.) род собственности, которой наделяются графы, виконты, викарии и другие высокопоставленные представители власти из фонда публичных (фискальных) земель, отчего слово *fiscus* оказывается обычным синонимом феодала, а сами пожалования привязаны к административному делению на графства, викарии и затем кастелянства».

Изменение происходит в XIII в. Феодал уже собственность знатного лица, отличная от других наследственных владений. Но *феодал* (в буквальном смысле – владелец *феода*) все еще не имеет права свободно отчуждать феодал, должен получить санкцию на продажу. Феодал может быть конфискован, если его владелец не служит. В Англию *феодал* занесли норманны, он стал обозначать любую полную собственность. И. В. Дубровский утверждает, что только с этого времени социальная структура начинает зиждиться на системе земельных отношений, однако и тогда «Сеньориальный строй не основывался на системе поземельных отношений в той степени, как это было в позднее Средневековье. Власть существовала, так сказать, в чистом виде – не будучи опосредованной поземельными правами, не выступая в их облике. Власть в этом мире – она и есть власть». «Никогда до XIII в. феодал не обозначал собственности знати как таковой; некоей особой благородной собственности до тех пор вообще не существовало» [Дубровский, 2006, с. 52–53, 55–58]. Дубровский цитирует французского историка А. Герро, который утверждал, что в так называемые Средние века преобладала система «глобального господства», и лишь «упразднение глобального господства (к XVIII в. – Л. А.) позволило выделить внутри феодальных отношений право собственности, и светские аристократы **незаметно** (выделено мной – Л. А.) превратились в землевладельцев» [Одиссей, 2006, с. 101]. Само слово *феодализм*, по утверждению Ф. Броделя, родилось в битвах Французской революции [Бродель, 1988, с. 221].

Возникает картина, напоминающая ту, что демонстрируют нам средневековые азиатские империи, а именно практика выдачи из казны ассигновок на сбор налогов при условии военной службы (*икта, тимарфы, зеаметы, союфгалы, тулли, джагиры* и проч.) которую отечественные востоковеды называют *военно-ленной системой*.

Европа в Средние века тоже начинала с власти над населением, которая постепенно перешла в собственность на землю без власти над людьми, а на Востоке этого не произошло. Подробно останавливаться на причинах этого здесь не место, но кратко сформулировать основную разницу, как мне кажется, можно. Это разная роль **права** в жизни социума. На Западе еще со времен Рима пытались права граждан зафиксировать в законах и постановлениях, а в азиатских обществах права даже государства, не говоря уже об индивидуумах, оставались на уровне обычаев, понятий, принятых практик.

Применяя к отношениям на Востоке термин *собственность (ownership, property, das Eigentum, la propriété)*, мы попадаем в лингвистическую ловушку, которая искажает понимание института. В Европе эти слова возникли для обозначения именно не всеобщей, а индивидуальной, *особенной, обособленной* собственности. В них явно звучат *соб-, особ-, own-, eigen-*. Они одновременно означают «свойство [человека]» и «дом», «поместье». В Европе государство со временем овладело многими активами, не говоря уже о том, что явился так называемый *реальный социализм*, где почти все стало государственным, а частная собственность была юридически запрещена. В юриспруденции появились помимо *физических* еще и *юридические лица*, «лица», которые нормального лица не имеют.

Юристам, может быть, удобно счесть фирму или государство *как бы человеком, юридическим лицом*, и тем самым навести порядок в своем терминологическом хозяйстве, но у историков другие задачи. При изучении социальных систем есть опасность наименования институтов по аналогии с другими, играющими в других системах схожие, но *иные* роли. Это относится к понятиям *государственная собственность, общенародная собственность, коллективная собственность* и т. п.

Приравнивая государство, имеющее множество **лиц** даже в самой централизованной деспотии, к одному особому лицу, мы невольно ожидаем от него поведения **собственника, хозяина**. Между тем государство имеет отличные от частного хозяина цели. Его критерии успешного «хозяйствования» совсем другие. Не говоря уже о том, что эти критерии у разных представителей государства не одинаковые.

Неприменимость к традиционным обществам современного понятия частной собственности уловил даже Энгельс, который, конечно, разделял точку зрения Маркса на собственность как форму производственных отношений. Он высмеивал британских юристов, которые считали своей задачей четко и однозначно выяснить, «кто здесь собственник», подобно тому, «как тщетно ломал себе голову блаженной памяти князь Генрих LXXII Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн-Эберсвальде над вопросом “Кто здесь ночной сторож”» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 181].

«Государственная собственность на землю» (в смысле *на всю землю*) юридического оформления не имела, т. к. правителю – восточному деспоту – принадлежало всё. Но этим своим достоянием он не мог распорядиться как частное лицо. Он не мог его продать, заложить, даже сдать в аренду, потому что все частные хозяйчики и так платили ему ренту за то, что живут на его земле. Чем он действительно владел – это возможностью взимать налог и распоряжаться этим налогом. И это право он мог жаловать, конфисковать и даже продавать. Собственность находилась в пользовании налогоплательщиков. Она так называлась (*милкьят, свамитва, свамья, ватан, минь тянь*), и она таковой выступала на практике, она «кормила» и власть, и того, кому эта власть переуступила право собирать налог.

Были земли, клин земель, считавшихся принадлежащими государству (*мири* – в Османской империи; *гуань-тянь* – в Китае, *хас, халисе* – в Индии), но и на этих землях государству принадлежала не сама земля (её мог возделывать тот, кто на ней жил, кому она была дана в награду), а налог с нее. Помимо этих «*закрепленных*» государством для себя земель¹ имелись другие, именно налог с которых военачальники могли оставлять себе в качестве жалованья. Отношения по распределению налога я называю в своих работах *верховой собственностью*, или *собственностью на территорию с подвластным населением*. Права же на землю, которыми обладали налогоплательщики, в таком случае можно называть *низовой*, или *податной собственностью* – эти права в более позднее время сравнимы с правом арендатора.

Сосуществование двух комплексов прав на землю замечено и в других странах Востока: в Халифате [Надирадзе, 1970], арабских странах Нового времени [Смилянская, 1979], Камбодже [Спекторов, 1979], Китае [Тяпкина, 1984]. В Китае «*двухслойность*» прав на землю получила терминологическое выражение. Правда, те права, которые мы называем *верховой собственностью*, китайцы считали правом на *нижний* слой земли (*тяньди*), а имуществом частного землевладельца – ее *верхний* слой, почву [Непомнин, 1980, с. 44]. Только в очень приблизительном европейском переводе это будет обозначать: пользование, распоряжение и владение.

Среди исследователей нет единства относительно содержания понятия *собственность*. Смысловой диапазон меняется от полного отрицания *государственной собственности* как собственности до непризнания собственности в частном виде под сенью государственной мощи.

О. Е. Непомнин признает существование в Китае двух систем имущественных отношений: государственной и частной; двух различных классов «*феодалов*»; двух форм

¹ *Халисе* – «особое», «чистое». Аналогия русскому *опричина*.

изъятия прибавочного продукта – ренты-налога и частной земельной ренты. В конструируемой им социально-экономической схеме традиционного Китая взаимодействуют «два господствующих класса – верховный и частнофеодальный»; крупные и средние землевладельцы «составляли “второй” феодальный эксплуататорский класс» [Непомнин, Иванов, 2010, с. 27, 33–38]. Но при этом *второй* господствующий класс *собственностью* на землю не обладает, он состоит только из *владельцев* земли.

В западных востоковедных работах в последние десятилетия стали различать *property in land*, в руках налогоплательщиков, и *control of land*, которым пользовались государи. Можно это переводить буквально: контроль над землей; можно подобрать русское слово, например, *господство, верховенство*. Важно различать эти два права не только по его субъекту (частное лицо, государь), но и по его внутреннему содержанию (т. е. право собственности не гарантировано законом, а может быть пересмотрено государем).

В тамильских государствах Юга Индии эти два вида прав получили четкое терминологическое различие. Право на налог называлось *миятчи* (*верхняя власть-собственность*), право плательщика налогов называлось *каранмей* (*черное владение*), в XIV–XVIII вв. замененное на *каниятчи* («наследственная власть-собственность»)². Слово *атчи*, составляющее главную часть этих двух терминов, как раз и означает и *власть, господство*, – и *собственность*. Поиски «правильного» перевода испытывают затруднения, нет полного соответствия смысла понятий, означающих правовые отношения, в индийских и европейских языках. Дункан Дерретт, автор трехтомника по индускому праву, пришел к выводу, что в Индии могут быть несколько собственников вещи, «владеющие не просто долей, но **равновеликими** правами **разного** характера» [Derrett, 1997, p. 13]. Дональда Дэвис, изучавший много лет правовую систему традиционной Кералы, тоже не смог описать ее в европейских понятиях: «Таким образом, я отхожу от западной концепции собственности как абсолютного доминирования индивидуума, чтобы исследовать разветвления народных отношений к земле в социальном строе Кералы». И он же: «Какой смысл называть собственником владельца некоторых прав на вещь, а собственника других прав на ту же вещь – как-нибудь иначе, чем “собственник”» [Davis, 2004, p. 14, 20, 69].

В индийских языках нет слова **право** ни в значении *jus* (справедливость, права человека), ни в значении *lex* (правовой порядок) [Rocher, 1977]. Слово *дхарма* крайне многозначно. Это некие общие законы мироздания, установленный порядок, которым должен следовать каждый индус от царя до последнего неприкасаемого, но *дхарма* состоит из *ачафа* (практические правила) и *марьяда* (тоже «правила», обычай) [Davis, 2004, p. 112].

Изучить сложную систему перекрещивающихся и налагаемых друг на друга прав (в смысле принятых обычаев) в Индии довольно трудно. В качестве примера приведем данные из нескольких дарственных грамот династии Личчхави, правившей в Непале в первые века н. э.³ Эти грамоты иногда указывают на обязанности царя осуществлять «*верховенство дхармы*» [№75, 83]. Но подчиняться следует царскому указу (*аджна*), а тот, кто не подчиняется, – «*нарушитель правил*» (*марьяд-абхангакарин*) [№66]. В другой надписи утверждается, что «правила», или «обычай» «устанавливаются царем» (*нарапати крта-марьяда*) [№78, 97]. Еще один указ разъясняет, что царь составляет «комплекс правил» (*марьяда бандха*), который следует использовать в «будущем», «при совершении дарений домов, полей и другого имущества» [№ 81].

Основная трудность изучения раннесредневекового индийского государства заключается в том, что взаимоотношения между участниками социально-политической жизни **не были регламентированы**. Власть царя, да и мелкого князя не ограничивалась

² Подробнее см.: [Алаев, 2018, с. 56–72].

³ Воспользуюсь собранием непальских надписей, созданным недавно успешным от нас Д. Н. Лелюхиным (1956–2014) и помещенным на сайте Института востоковедения [Лелюхин Д. Н. *Индийская Эпиграфика*. URL: <http://indepigr.ivran.ru/> (дата обращения 20.04.2018)]. Номера надписей в нижеследующем тексте даются по собранию Лелюхина.

законом. С этой точки зрения она вполне отвечает понятию «деспотизм». Но не были ограничены также и права общин. Они могли вершить правосудие и вмешиваться в дела, с нашей точки зрения исключительно государственные, – например, устанавливать «справедливые» ставки налогов с самих себя. И то же общество при таком подходе выглядит общинным.

Иногда эта многофакторность индийской политики находит прямое отражение в надписях. Например, в 959 г. в надписи князя династии Алула в Южном Канаре формулируется максима: есть три силы, стоящие на защите *джармы* и способные защитить дарение, – царь, окружная община и городская община (*джармману арасу наду накхара палиси бахару*) [SII, VII, p. 165, no.134]. В другой надписи из Белгаума от 980 г. изложена целая система «сдержек и противовесов», работавшая в индийской глубинке: деревенское собрание (*ур*) и настоятели храма (*стхана-ачарья*) должны совместно охранять дарения от вмешательства «царей»; *стхана-ачарья* должны защищать храмовую собственность от покушений со стороны *ура*; *ур* должны беречь храмовую собственность от расхищения *стхана-ачарьями* [EI, XVI, p. 9, no.1].

Если собственность существует в условиях отсутствия *права собственности*, она приобретает совершенно иной характер. А. С. Васильев выдвинул и отстаивал тезис, что на Востоке *власть* была первична, а *собственность* – вторична, что имущественные отношения между государством и частным лицом укладываются в формулу **власть-собственность**, где первому элементу формулы следует придать решающее значение [Васильев, 1982, с. 60–99; Васильев, 2007, с. 137–141]. Этот тезис, конечно, надо взять за основу, но снабдить его некоторыми уточнениями.

Во-первых, как показано выше, в Западной Европе в Средние века тоже крупная частная собственность на землю развилась из права управления и сбора налогов. Это же относится и к России. Соединение собственности на землю и власти над населением характеризует крупную земельную собственность повсюду в тех странах, которые мы считаем феодальными [Гуревич, 1968, с. 97–99; Гуревич, 1970, с. 44–46, 59; Павлов-Сильванский, 1988, с. 288–290].

Во-вторых, *власть* выступала первопричиной не только крупной собственности, так называемых военных ленов, но являлась неременной составляющей и низовой собственности, владельцев самой земли. Вообще понятия «власть» и «собственность» долгое время не различаются. Выше обращалось внимание на то, что тамильское, например, *атчи* означало одновременно и «власть», и «собственность», причем первое значение со временем стало основным. *Ур-атчи*, означавшее в Средние века «деревенскую собственность», в том числе земли, сейчас употребляется как наименование здания аппарата местного самоуправления. В древних индийских текстах *свамин* – это и «хозяин», индивидуальный собственник, и *государь*. В арабском *мулк* – это и неограниченная власть, и безусловная собственность. *Малик* – это и *собственник*, и *господин*, в том числе халиф или султан (правда, в данном случае точное значение зависит от долготы звука «и»). Таким образом, понятие «власть-собственность» может быть отнесено и к правам общинников (*ватандары*, *мифадары*, *арбаб-и-замин*, *каниятчиары* – в Индии; «крупные и средние дворы» – в Китае; *дежкане* – на Ближнем и Среднем Востоке). Источники сообщают, что они могли быть довольно крупными землевладельцами, обладавшими серьезной властью в масштабах макрообщин.

Таким образом, употребление слов *собственность* и *право* применительно к реалиям традиционного Востока без уточнения, как власть относилась к праву и собственности, не может адекватно отразить тогдашнюю действительность. «Государственная собственность на землю» при ближайшем рассмотрении оказывается «собственностью» не на землю, а на налог, синонимом государственной *власти*. *Право* на налог никак не закреплено и рушится при смене государства/династии. *Частная собственность* на свою наследственную землю общинника-налогоплательщика снабжена многими правами (наследования, отчуждения), но при отсутствии важнейшего права – защиты от государственного вмешательства. Она тоже не

имеет юридического закрепления, а потому неспособна перейти от власти над неполноправным населением общины к свободным отношениям «собственник – держатель». Получается, что называть все эти отношения просто *собственностью*, в том числе и *властью-собственностью*, нерелевантно. Достаточно и одной **власти**. Это понятие охватывает все отношения по поводу имущества всех слоев социума.

Литература / References

- Алаев Л. Б. *Южная Индия: Общинно-политический строй VI–XIII вв.* М., 2018 [Alaev L. B. *Yuzhnyaya India: Obschinnno-politicheskiy stroy 6th – 13th vekov.* Moscow, 2018].
- Васильев Л. С. Феномен власти-собственности (К проблеме типологии докапиталистических структур) // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М., 1982. С. 60–99 [Vasilyev L. S. Fenomen vlasti-sobstvennosti (K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur) // *Tipy obschestvennykh otноsheniy na Vostoke v sredniye veka.* Moscow, 1982. Pp. 60–99].
- Васильев Л. С. *Всеобщая история. Том I. Древний Восток и античность.* М., 2007 [Vasilyev L.S. *Vseobshchaya Istoriya. Tom I. Drevniy Vostok i antichnost'.* Moscow, 2007].
- Гуревич А. Я. Проблема земельной собственности в дофеодалных и раннефеодалных обществах Западной Европы // *Вопросы истории.* 1968. №4. С. 97–103 [Gurevich A. Ya. Problema zemel'noy sobstvennosti v dofeodal'nykh i rannefeodal'nykh obschestvakh Zapadnoy Evropy // *Voprosy istorii.* 1968. 4. Pp. 97–103].
- Гуревич А. Я. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе.* М., 1970 [Gurevich A. Ya. *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope.* Moscow, 1970].
- Дубровский И. В. Как я понимаю феодализм // *Одиссей. Человек в истории.* 2006. *Феодализм перед судом историков.* М., 2006. С. 50–62 [Dubrovskiy I. V. Kak ya ponimayu feodalizm // *Odissey. Chelovek v istorii.* 2006. *Feodalizm pered sudom istorikov.* Moscow, 2006. Pp. 50–62].
- Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 20. М., 1961 [Marks K., Engels F. *Sochineniya.* T. 20. Moscow, 1961].
- Надирадзе Л. И. Проблема государственной собственности на землю в Халифате в VII–VIII вв. // *Арабские страны. История. Экономика.* М., 1970 [Nadiradze L. I. Problema gosudarstvennoy sobstvennosti na zemlu v Halifate v 7th – 8th vv. // *Arabskiye strany. Istoriya. Ekonomika.* Moscow, 1980].
- Непомнин О. Е. *Социально-экономическая история Китая. 1894–1914.* М., 1980 [Nepomnin O. E. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Kitaya. 1894–1914.* Moscow, 1980].
- Непомнин О. Е., Иванов Н. А. *Типология азиатских обществ.* Учебное пособие. М., 2010 [Nepomnin O. E., Ivanov N. A. *Tipologiya aziatskikh obschestv.* Uchebnoye posobiye. Moscow, 2010].
- Одиссей. Человек в истории.* 2006. *Феодализм перед судом историков.* М., 2006 [Odissey. Chelovek v istorii. 2006. *Feodalizm pered sudom istorikov.* Moscow, 2006].
- Павлов-Сильванский Н. П. *Феодализм в России.* М., 1988 [Pavlov-Sil'vanskiy N. P. *Feodalizm v Rossii.* Moscow, 1988].
- Сайд Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока.* СПб., 2006 [Said, Edvard V. Saint Petersburg, 2006].
- Смилянская И. М. *Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени.* М., 1979 [Smilyanskaya I. M. *Sotsialno-ekonomicheskaya struktura stran Blizhnego Vostoka na rubezhe novogo vremeni.* Moscow, 1979].
- Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г.* М., 2008 [Feodalizm: ponyatie i realii. Materialy kruglogo stola. Moskva, 25 aprelya 2005 g. Moscow, 2008].
- Davis D. R. The Boundaries of Hindu Law. Tradition, Custom and Politics in Medieval Kerala // Botto O. (ed.). *Corpus Juris sanscriticum et fontus juris Asiae meridiana et centralis. A Series on Social and Religious Law.* Vol. V. Torino, 2004.
- Derrett J., Duncan M. *Essays in Classical and Modern Hindu Law. Dharmasastra and Related Ideas.* Vol. II. Leiden, 1997.
- EI – *Epigraphia Indica.* Vol. XVI. Calcutta, 1922.
- Reynolds S. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted.* Oxford, 1994.
- Rocher L. Hindu Conceptions of Law // *Hastings Law Journal.* 1977. 29, no.6. Pp. 1283–1305.
- SII – *South-Indian Inscriptions.* Vol. VIII. Madras, 1933.

Электронные ресурсы

Лелюхин Д. Н. *Индийская Эпиграфика.* URL: <http://indepigr.ivran.ru/> (дата обращения 20.04.2018)